

Наш СОБЕСЕДНИК

Он уже сыграл немало ролей в театре, кино, на телевидении. И каждая его работа, отличающаяся неповторимостью и своеобразием, как бы дополняет тот образ артиста, который возникает при имени — Александр Калягин.

Студент Училища имени Щукина, прекрасно освоивший уроки острой вахтанговской выразительности, научившийся пластическому перевоплощению, Калягин обладает и особым даром психологического перевоплощения... Он многогранен, всегда интересен. От него зритель ждет открытия, и открытия происходят. Заметные в разной степени, его роли, его игра оставляют след в душе, будят чувство и мысль.

Вспомним блистательную «тетку Чарли» (в телефильме «Здравствуйте, я ваша тетя»), Ваниюкина в «Своей среди чужих, чужой среди своих», режиссера Колягина в «Рабе любви», наконец, лучшая роль артиста — Платонов в кинофильме Н. Михалкова «Неоконченная пьеса для механического пианино».

Сегодня А. Калягин — наш собеседник.

заслуженный артист
РСФСР
Александр КАЛЯГИН

Верить в свое призвание

«растание» или резкий, яркий старт на экране?

— Начиная с эпизодов. И, наверное, это правильно. Резкий старт, да еще и яркий, запоминающийся, — это, особенно в молодые годы, всегда чревато: после такого начала актер должен быть в дальнейшем на уровне, не ниже своего первого выступления. А у него нет еще достаточного опыта — ни профессионального, ни чисто житейского. Испытание славой — тоже не легкое дело. А постепенность помогает актеру набирать в себе многое для будущей работы, облегчает ему путь к совершенству. Постепенность, по-моему, прочнее.

В принципе и тому, и другому актеру не гарантирован в будущем успех. Все зависит от многих причин: опыт, талант, интеллект, культура, интуиция, трудолюбие. И, конечно же, нужна актеру вера режиссера в него. Вера — очень важный в нашей актерской жизни момент.

— Вы актер театра, а пока что лучшие свои роли сыграли в кино.

— Это для меня необъяснимо. Могу лишь сожалеть об этом, потому что все-таки я актер театра. Может быть, сыграл роль тот факт, что долго искал свой театр, своего режиссера, переходил из труппы в труппу? Не знаю. Пока так складывается репертуар.

— Какое из предложений озадачило вас и почему?

— В молодости кажется, что все подвластно. Со временем понимаешь: многого еще не хватает для роли, которую считал своей.

Чистых героев, Гамлета например, я не мог бы и не хотел играть. Я говорю об амплуа. Это не мое. И в то же время убежден, что любой актер может сыграть все.

Неожиданным было предложение сыграть Платонова в «Неоконченной пьесе для механического пианино».

— Позвольте, но ведь в прессе сообщалось, что роль задумывалась, писалась специально для вас. В чем же она была для вас неожиданной?

— Именно роль, не предложение. Я оговорился. Прочитал сценарий и был очень далек от того, что предстояло постичь. И в то же время понял, что сыграю. Потому что взволновался, «заболел» Платоновым. Взволнованность актера личностью героя — верный признак того, что он может его сыграть.

— Извините, а если вы взволнуетесь личностью... Сильву?

— Сыграю. Нет, не Сильву. Ее тему. В другой роли. Пусть частично. Главное, я знаю, какую задумку хочу реализовать, какую мысль обнажить. Знаю, что сыграть. А в какой роли — это неважно.

Неожиданностью была и тетя Чарль. Причем радостной неожиданностью, так как в этой роли я сколько мог подчеркнул свою любовь к Чаплину, свое восторженное поклонение перед талантом великого артиста.

Вообще я убежден, что если все роли решать в их трагикомическом содержании, то возможно сыграть любую роль. В этом меня лишний раз убедил опыт с

Платоновым. Другое дело трагикомедия — труднейший жанр.

— Критики говорят о том, что вы всегда ищете в роли «историческую характерность». Я, признаюсь, не совсем понимаю, что это значит.

— Я тоже. Однажды на встрече со зрителями сказал, что мечтаю выйти на сцену в исторической пьесе, в классике (Островский, например, или Шекспир, Мольер), но в современном костюме. И сыграть так, чтобы ни у кого из зрителей не возникло сомнений, вопроса: а почему он в современном костюме играет эту роль? Сыграть человека исключительно через событие, через восприятие героем этого события. Сыграть, возможно, парадокс, но при этом объяснить изнутри его правомерность. Это ведь «высший пилотаж» в нашем деле: не прятаться за атрибуты одежды, грима, сыграть достоверно характер. Может быть, это имели в виду критики, говоря о моем стремлении к «исторической характерности»?

— Профессия актера предполагает творческую ненасытность. Поделитесь — хотя бы кратко — мечтами и этим дайте волю нашему воображению.

— Я не могу назвать конкретного героя. Сколько прекрасных ролей в драматургии, «глаза разбегаются»!

— Но что-то ведь служит для вас манком при том или ином предложении?

— Соглашаюсь на роль только в том случае, если она несет в себе трагикомическое содержание. Всегда мечтаю заставить зрителя смеяться и плакать од-

новременно. К сожалению, мало еще соприкасался с ролями истинно трагикомическими, но при каждой такой встрече испытывал ни с чем не сравнимое удовольствие.

— В вашей фильмографии 1975 год был, мне кажется, особенно напряженным. Магель в «Варианте «Омега», тетя Чарль, Колягин в «Рабе любви». И это при довольно-таки плотной занятости в репертуаре МХАТа. Мне часто приходилось слышать (и от актеров в том числе) о невозможности одновременной и при этом полной отдаче в каждой роли. Где-то, мол, в какой-то роли «выпускается воздух». Так ли это?

— Наверное, так. Но у меня ведь не было такой буквальной одновременности, я всегда регулирую свою занятость. Например, «Здравствуйте, я ваша тетя» — апрель, май, «Раба любви» — июль, август... Абсолютная занятость — тут «палка о двух концах». С одной стороны, действительно рискованно где-то «выпустить воздух», выдать полуфабрикат, халтуру. С другой — актеру полезно находиться в постоянном творческом напряжении, быть «положительно заряженным» на дело, на поиск. Одна роль дополняет другую. У меня были очень трудные периоды — на телевидении две работы, в кино — две, в театре. Но не уставал, не отбирал, был молод, хотелось играть все подряд. То, о чем вы говорите, зависит от многих обстоятельств: когда снимается фильм, где, кем. Снимается, например, в Одессе и в Ташкенте много сложнее, чем в двух же картинах московских студий: надо летать, успевать.

И знаете, чему очень трудно научиться актеру? Отказываться от... хороших ролей!

— То есть?

— Если в них есть опасность повториться. Если тема уже тобой сыграна до этого. Больше всего боюсь повториться. Это страшно, потому что успокаивает, рождает лень.

— Вопрос, который вы, кажется, не ожидаете. Кто мешал (или мешал) вам быть актером Калягиным? Какой кумир довлеет над вами? И следует ли от него избавляться?

— Я не пытаюсь уйти от влияния любимых с детства актеров. С возрастом приходит опыт, и у меня, как у каждого актера, вырабатывается свой подход к роли, свое начало работы, принцип ее, но в то же время я каждый раз думаю о Чаплине, о том, как бы он играл данную роль. И это не гнет великого мастера, я испытываю огромную радость, оглядываясь на него.

Беседу вел
Л. ДНЕПРОВСКИЙ.